

ЭПИЗОД IX ХАРТМЭН

Сэм вытер снег, налипший на защитные очки, и проверил с помощью браслета свое местоположение на карте. С вершины этого склона должна быть видна лаборатория Хартмэна.

Прошло семь дней с тех пор, как Сэм ушел из Горного узла. На своем пути он преодолел два огромных пика, перешел трещину в леднике, постоянно спускался и поднимался по склонам. Погода относительно стабилизировалось, благодаря чему ему удалось добраться сюда без серьезных проблем. Однако сейчас погода могла ухудшиться — у него было предчувствие, что скоро начнется метель. Хотелось добраться до места назначения, пока вьюга не разыграется в полную силу.

Нельзя, чтобы в пургу его вещи куда-нибудь унесло, потому что сейчас у него за спиной находился груз с ценным, уникальным содержимым. Сэм не был уверен, можно ли это было называть грузом: он нес тело Мама, плотно завернутое в мешок для трупов.

Она умерла вместе с ребенком в животе, но через душу дочери, ставшей Тварью, Мама смогла соединить свою Ка с физической оболочкой. Благодаря этому ее

тело двигалось совсем как тело живого человека. Даже после того как пуповина, соединявшая ее с ребенком, была разрезана, она выглядела так, словно только что умерла, — на теле не наблюдалось признаков некроза или гниения.

Хартмэн подал заявку на исследование тела Мамы, потому что ему было любопытно понять, как все происходило. Он считал, что это может стать важной подсказкой, которая позволит распутать связи между душой и телом, мирами живых и мертвых, соединенными Берегом. Вероятно, удастся понять, как устроено особенное тело возвращенца. Именно поэтому нужно было обязательно доставить груз. Его путешествие можно рассматривать как последний путь Мамы — так по крайней мере считал Сэм.

Когда он обошел огромный валун, торчащий посередине склона, ему открылся вид на озеро на самом дне воронки. Из-за снежной дымки нельзя было разглядеть точно, но форма озера напоминала сердце — примитивное сердечко, нарисованное рукой ребенка. Жилище Хартмэна располагалось рядом с этим озером.

Когда датчики считали информацию с браслета Сэма, входная дверь открылась. Терминал доставки, размещенный сразу у входа, автоматически включился и поприветствовал его. Сэм хотел сообщить о цели посещения, но тут раздался механический голос:

— Проходите прямо.

Сэм прошел еще через одну дверь и по ярко освещенному длинному коридору. Все выглядело крайне аккуратно в отличие от лаборатории Мамы. Вокруг ни пылинки, но не чувствовалось, что здесь живет человек. Не было слышно ни звука, кроме шагов и дыхания Сэма. Пол и стены были обиты чем-то упругим, похожим на амортизирующий материал.

— Входите.

Подгоняемый механическим голосом, Сэм пригнулся и прошел через открывшуюся дверь. В отличие от коридора, в этом помещении стояла крошечная тьма. Сэм не сразу понял, где оказался. К счастью, он нащупал поручень, схватился за него и стал ждать, когда глаза привыкнут к темноте вокруг. Послышалась тихая музыка. Меланхоличные, мрачные звуки пианино — «Похоронный марш» Фредерика Шопена. Повернувшись на звук музыки, Сэм задержал дыхание. Там находилось то, чему здесь нельзя было быть.

Человеческая фигура, состоявшая из тысяч частиц: Тварь парила в воздухе. Сэм рефлекторно задержал дыхание и замер. «Из-за этого в лаборатории не чувствовалось присутствия живых людей? По каким-то причинам она превратилась в территорию Тварей. Впрочем, ББ и одрадек никак не реагировали. Дедмэн говорил, что у ББ после перезагрузки восстановились все функции, но неужели потерялись все настройки для меня? Получается, ему не только стерли память, но он еще и потерял способность соединяться со мной? По пути из Горного узла сюда я не приближался к территориям Тварей и игнорировал отсутствие каких-либо реакций ББ, а получается, я не смог к нему подключиться?»

Перед глазами всплыло лицо Дедмэна. Внутри закипел гнев — Сэм хотел ударить этого лжеца. Тут же Лу рассмеялся. Сэм заглянул в капсулу, и их взгляды встретились. Лу почувствовал, что от него что-то требуется. Сэм еще раз посмотрел на Тварь и чуть не рассмеялся над своей невнимательностью — перед ним была очень искусно сделанная модель. Он толкнул ее пальцем и прошел вглубь комнаты. Музыка продолжала играть, поэтому он пошел к источнику звука.

В темноте на кресле с откидной спинкой лицом вверх лежал человек. Его глаза были закрыты. Сэм узнал это лицо, с его обладателем он несколько раз говорил по беспроводной связи.

— Хартмэн? — тихонько спросил Сэм.

Для спящего он выглядел странно: грудь совсем не поднималась и не опускалась, он не дышал. У Сэма появилось неприятное предчувствие: «Может быть, поэтому так бросается в глаза холодная пустота комнаты?» Рядом с креслом стоял прибор для измерения биологических показателей, похожий на тот, что был в палате Бриджет. На мониторе, судя по всему, отображалась кардиограмма, но вместо волн шла абсолютно прямая линия без каких-либо колебаний. Сердце остановилось.

— Хартмэн?

Музыка выключилась. Казалось, что закончились похороны. Лу с озадаченным видом смотрел на лежащего человека, но одрадек не включался.

Небольшое устройство на левой части груди мужчины издало сигнал:

— Включить дефибриллятор.

Сразу после этого появился пульс, а вместе с электронным звуком на мониторе показались волны. Мужчина резко выдохнул и приподнялся в кресле.

Он смотрел на Сэма, словно только пробудился ото сна, но из глаз текли слезы. Сэм все еще не мог понять, что происходит. Мужчина искоса взглянул на него, встал, вытер слезы и, поправив очки, протянул Сэму руку. Сэм не стал жать руку, но мужчина и виду не подал.

— О, Сэм Бриджес. Извини за такую негостеприимную встречу после трудной дороги. Так уж устроен мой организм, я не могу это контролировать.

Сэм не понимал, что это за устройство организма такое, и молчал, не зная, что ответить.

— Спасибо тебе. Положи груз здесь.

Мужчина полагал, что Сэм не знает, как поступить с телом Мамы, и указал на носилки рядом с креслом.

— Снова не нашел их, — пробормотал он, не глядя на Сэма, одновременно ловко работая с браслетом.

— У тебя, похоже, сердце остановилось, — произнес Сэм, чтобы привлечь внимание.

— Не волнуйся. — Он показал на устройство на груди. — Сердце останавливается каждую двадцать одну минуту, потом я три минуты провожу на Берегу и снова воскрешаюсь.

Это было произнесено совершенно обыденным тоном.

— За сутки я умираю шестьдесят раз и шестьдесят раз возвращаюсь с того света. Каждый раз я путешествую по Берегу в поисках умершей семьи. Так и живу каждый день.

Все становилось еще запутаннее, но он продолжал заниматься браслетом как ни в чем не бывало. На столике рядом с креслом стояли небольшие песочные часы, но почему-то песок из верхней части не сыпался вниз. На стеллажах, высившихся до потолка, были аккуратно расставлены старинные книги, коробки с фильмами и музыкой. Между ними — фотография, на которой были изображены женщина с беззащитной улыбкой и немного смущенная девочка. А на самом верху, закрывая потолок, — скелет существа, похожего на кита.

Комната Хартмэна была именно такой, какой ее рисовал себе в голове Сэм. Мужчина, занятый браслетом, тоже выглядел как Хартмэн.

На мониторе, занимавшем одну из стен, закрылись все окна программ одно за другим, сам монитор погас,

а вместо него появилось огромное панорамное окно во всю стену. Мужчина подозвал к себе Сэма, зажмурившегося от яркого света.

Из окна было видно то самое озеро в форме сердца.

— Это мое сердце. — Он указал на озеро, словно подтверждая, что Сэм не ослышался. — Озеро, появившееся в кратере из-за выплеска пустоты. Там моя семья — жена и дочь.

Чем дальше, тем сложнее. Сэм спросил себя, могут ли слова мужчины быть утонченной метафорой.

— Той же формы, что и мое сердце.

Дефибриллятор спроецировал в воздухе голограмму — трехмерная модель сердца, до смешного схематичная, мерно пульсировала.

— Врачи называют это кордиформией миокарда. Очень редкий случай, не врожденное заболевание.

Он жестом пригласил Сэма сесть на диван, а сам опустился в кресло.

— Я разом потерял и жену, и дочь, пребывал в полной растерянности и был одержим одной идеей. Я верил в существование Берега. Кто-то считал его гипотезой, а кто-то высмеивал как убеждение ограниченного числа людей, объединенных одним мировоззрением, но я поверил. Поэтому я отправился на Берег. Искусственно ввел себя в состояние клинической смерти — после трех минут специальный прибор вернул меня к жизни. Я искал их снова, и снова, и снова.

«Значит, на фотографии его жена и ребенок? Выходит, есть человек с похожей на мою судьбой».

— Для чего? Чтобы попрощаться с семьей?

— Нет. Берег привязан к каждому человеку, поэтому и загробный мир у каждого свой, наверное. Стоило мне так подумать, как стало невыносимо страшно.

Захотелось найти их на Берегу и отправиться на тот свет вместе.

— Ты собирался умереть?

В ответ мужчина улыбнулся и поднял большой палец.

— Конечно, если после смерти я смогу воссоединиться с семьей. Я постоянно искусственно останавливал сердце, в итоге оно приняло такую форму. Пока я перемещался между Берегом и этим миром, меня стали называть Хартмэном¹, исследователем Берега. — Он встал с кресла и снова протянул руку. — Приятно познакомиться, Хартмэн, — сказал он оставшемуся неподвижным Сэму, приблизился к носилкам и осторожно открыл молнию на мешке, из которого показалось лицо Мамы. Оно не побледнело. Более того, на нем не было и следа трупных пятен или окоченения. Казалось, что она просто крепко спит.

— Труп, который не подвержен некрозу? Она двигалась, словно живой человек, гниение и некроз так и не начались...

У Сэма возникло ощущение дежавю. Глаза Хартмэна были такими же, как и у Дедмэна в момент их первой встречи, — сияющими искренним научным любопытством.

— Прямо идеальная мумия. Или лучше сказать безупречный труп? — приговаривал Хартмэн, рассматривая тело Мамы.

Двигало им не желание сделать что-то великое ради других людей и мира, а чистое любопытство, как у ребенка, который разбирает машинку. Тем не менее Сэм не мог молча смотреть, как тот без всякого смущения

.....

¹ Хартмэн — от английского heart — «сердце», man — «человек». — *Примеч. ред.*

осматривает тело. Он не собирался говорить об уважении к мертвым, ведь душа Мамы была сейчас вместе с Локни. Хартмэн будто почувствовал, что Сэм хотел сделать замечание, и поднял голову.

— Ты очень аккуратно нес его. — Он достал из глаубин мешка небольшую коробочку и показал Сэму.

Сэм не припоминал коробку. Из нее Хартмэн вынул прозрачный цилиндр. Сделанный, скорее всего, из сверхпрочного пластика, цилиндр был наполнен водой, в которой плескался объект, похожий на шнурок. Они опять что-то скрыли от него?

Он вспомнил, как Дедмэн и Дайхардмэн, не ставя его самого в известность, заставили пронести в крематорий Лу. Сначала что-то прятали вместе с телом Бриджет, а сейчас — с трупом Мамы. Он рассердился на сотрудников «Бриджес», которые использовали его как мальчика на побегушках.

Возможно, гнев читался на его лице, потому что Хартмэн поднял указательный палец и слегка покачал им, словно пытаясь успокоить Сэма.

— Это пуповина?

На этот вопрос Сэм не мог ответить. Если подумать, то это похоже на правду, но в сосуде она выглядела как останки какого-то редкого животного, которое может существовать только в мире с другой средой.

— Судя по толщине и форме, это пуповина млекопитающего. Точно, человека!

С этими словами Хартмэн показал на свой браслет и бросил на Сэма многозначительный взгляд. «Хочет, чтобы я подыграл». — Сэм не знал почему, но именно так он понял этот жест. Ему на ум пришли подозрения Дедмэна насчет директора.

— Впрочем, она не выглядит как что-то, что принадлежало живому человеку. Мне, конечно, нужно прове-

ритель, но это не канал, который связывает эмбрион с матерью. Похоже на нить Твари. — Он приблизил сосуд к лицу Сэма.

Приглядевшись, можно было заметить, что поверхность пуповины состоит из крошечных колеблющихся частиц. Его удивило то, что можно взять образец пуповины Твари.

— Точно, это Мама.

Сэм перерезал пуповину, но не делал образец. Хартмэн кивнул.

— Эта пуповина связывала с Берегом. Труп, который не подвержен некрозу, и пуповина, что соединяла с Берегом. Сэм, ты доставил невероятный груз!

Сэм отпрянул от Хартмэна, который почти бросился его обнимать. Затем с извиняющимся выражением лица ученый положил сосуд с пуповиной на носилки и закрыл мешок.

— Ладно, я вот что хочу тебе показать. — Он включил монитор на стене.

На экране появилось огромное четырехпалое животное, лежащее на снегу, — мамонт. Возможно, его обнаружили где-то рядом. Сэм с сомнением смотрел на экран, не понимая, к чему ведет Хартмэн.

— Вглядишься! Понимаешь?

Хартмэн увеличил изображение в области живота, и на экране стало видно нечто странное — от брюха животного тянулась пуповина.

— Да, у мамонта образовалась пуповина. Случайно сохранившиеся после Выхода смерти данные. И вот еще что!

Фотография сменилась на изображение аммонита с пуповиной. Похожий на шнурок орган свисал прямо из центра спиралевидной раковины.

— Сейчас пока проверены только эти две фотографии, но они обе совершенно точно не подделки.

Наличие пуповин удивительно, но еще более странно, что и мамонт, и аммонит были обнаружены не в виде окаменелости и не во льду. Оба вида давно вымерли, но по фотографиям кажется, что эти два существа жили еще совсем недавно. Разве это не напоминает тебе труп Мамы? Я предполагаю, что существуют и другие подобные виды. Мои знакомые ученые, которые занимаются полевой работой в своих убежищах, сейчас ищут их. Если ты подключишь хиральную связь, мы сможем восстановить записи прошлого.

«Не слишком ли это абсурдно? — подумал Сэм, но не мог оторвать взгляд от монитора. — Значит, пуповина, свисающая из аммонита, соединяет с Берегом? О чем это говорит?»

— Осталось пять минут, — услышался сигнал дефибриллятора.

Хартмэн выключил монитор, снова открылся вид на озеро в форме сердца. Если считать озеро частью тела Хартмэна, которое появилось после того, как выплеск пустоты изуродовал землю, то сердце Хартмэна — шрам. Мужчина, который обосновался рядом, каждый день смотрит на это озеро и живет по странному циклу, все еще пребывает в прошлом. Мама и Дедмэн под знаменем «Бриджес» тоже пытаются построить мост к ушедшему времени.

— Берег у каждого свой. Как эмбрион соединен пуповиной только с одной матерью, так и Берег у каждого человека единственный. Мой Берег особенный, он может соединяться с Берегами других людей. Если проводить аналогию, то он похож на сердце, перенесшее аортокоронарное шунтирование. Вероятно, это стало возможным благодаря моей необычной деформации. Все время приходится торопиться. Извини, я снова отправляюсь на Берег. На тот, где должны быть

мои девочки. — После этих слов он лег в кресло. — Ты, наверное, удивляешься. Каким бы особенным ни был мой Берег, их души не могут до сих пор оставаться на Берегу. В этом мире, соединенном не только с Берегом, но и с миром мертвых, сплошные загадки. Душа Ка, расставаясь с физическим телом Ха, попадает на Берег — в зазор между миром живых и мертвых, — перед тем как окончательно отправиться на тот свет. Обычно тело кремируют в течение сорока восьми часов после смерти, до начала некроза. Тем самым душе показывают, что ей некуда вернуться, она избавляется от привязанности к этому миру и отправляется в мир мертвых. Если некроз начнется, то Ка становится заложницей этого мира, но поскольку физическое тело отсутствует, то она превращается в Тварь. В любом случае душа не остается на Берегу в течение долгого времени. Однако есть исключения — например, души людей, которые умерли необычной смертью. Если тело исчезло в один миг, не проходя через стадию некроза или кремацию, то душа не может стать Тварью, но воспоминания об этом мире задерживают ее на Берегу. Это моя гипотеза. Можешь посмеяться над этой дикой фантазией: я столько раз бродил по Берегу, а семью так и не нашел.

— Осталось четыре минуты, — объявил дефибрилятор.

— Но и в физическое тело вернуться невозможно — я ставлю на это. Должен быть какой-то смысл! Как на том поле битвы, куда ты попал. Его, наверное, можно назвать вечным полем битвы: получается, существует хронотоп, где постоянно сменяются солдаты, участвовавшие в мировых войнах более чем вековой давности. Мировые войны — самые несправедливые, на них оружие массового поражения убивает сразу многих.

Мертвецы превращаются в цифры, и каждая отдельная смерть теряет свой смысл — солдаты и мирное население не понимают, почему они умерли. Как и люди, погибшие в выплеске пустоты. Если то поле создала сильная привязанность к этому миру и настойчивое желание остаться, то оно может послужить доказательством моей гипотезы.

— Осталось три минуты.

— Я спрашивал у Дедмэна. Клиффорд Унгер служил в силах специального назначения армии США. Для него война должна была быть обыденностью. Твой ББ послужил катализатором, а его обида и ненависть призвали вечное поле битвы в этот мир. Ты об этом не думал? Может, тот мужчина, что вызывает Тварей, вызвал и Клиффорда, воспользовавшись его ненавистью?

— Хиггс его призвал?

Сэм произвольно сжал в кармане жетон Клиффорда. Сэм научился устранять Тварей, и теперь Хиггс, чтобы помешать ему, использует Клиффорда и ту битву?

— Осталось две минуты. В скором времени будет произведена остановка сердца.

— Не знаю. Но вероятность того, что Хиггс их вызвал, очень высока.

Окно в стене перешло в светонепроницаемый режим, и озеро в форме сердца скрылось из виду. Освещение в комнате тоже постепенно гасло.

— Сэм, извини, что я прерываю наш разговор, но я вынужден отлучиться. У меня есть к тебе просьба.

— Осталась одна минута. Включаю систему охраны.

— На Берегу нет времени, но на отделение души от тела и воскрешение уходит три минуты. Вот настоящее время, которое требуется, чтобы уйти на Берег и вернуться. Подождешь меня немного?

Хартмэн закрыл глаза. Граммофон, расположенный наискосок от кресла, снова заиграл тот похоронный марш.

— Пока, Сэм. Скоро я умру.

Дефибриллятор издал тихий сигнал, на экране электрокардиографа появилась прямая линия.

Растерянный Сэм стоял в лаборатории, где тихо играла траурная музыка. Труп Мамы, тело временно умершего Хартмэна, тихо дремлющий в капсуле ББ и возвращенец Сэм. На четверых тут был только один действительно живой человек и один настоящий мертвец. Неясно даже, по каким критериям судить — кто жив, а кто умер.

Сэму оставалось только сесть на диван и ждать воскрешения Хартмэна. Он продолжал сжимать жетон Клиффорда. На поцарапанной металлической пластине были выгравированы его имя и фамилия, номер отряда и вероисповедание, но сколько бы Сэм ни смотрел на них, он не понимал, кто такой Клиффорд, что его связывает с Лу, жив Клиффорд или уже умер?

«Если Хиггс использовал обиду Клиффорда и вызвал это поле битвы, чтобы помешать моей экспедиции, то это уж слишком далекий окольный путь. Есть куда более простые и быстрые способы. Раз уж он хочет ускорить вымирание, то можно устроить ядерный взрыв или теракт с последующим выплеском пустоты, разрушить города и таким образом уничтожить все узлы хиральной сети. Каким бы эффективным оружием против Тварей ни была кровь возвращенца, в итоге ее количество ограничено. Невозможно устранить всех Тварей.

Говорят, что Хиггс раньше был курьером. Это доказывают и слова Фрэджайл, и документы “Бриджес”. Когда он только начал сотрудничать с Фрэджайл, он был

готов прикладывать все силы ради жизни других. Это изменилось после того, как он нашел другого партнера вместо Фрэджайл. Если так, то естественно предположить, что ключ к пониманию ситуации есть у этого самого партнера. Ни Фрэджайл, ни “Бриджес” все еще не знают, кто это. Кто же оказался более полезен Хиггсу для достижения целей, чем Фрэджайл с ее способностями и организацией? Возможно, его настоящая цель совсем другая. Неслучайно же он с таким высокомерием назвал себя частицей Бога».

— Включить дефибриллятор.

Эти слова вернули Сэма в реальность. Звуки похоронного марша затихали.

— Опять не нашел. — Хартмэн сел в кресле, вытирая слезы.

Он легонько постучал по песочным часам, стоявшим рядом на столике. Песок начал пересыпаться снизу вверх. Сэму показалось, что эти странные часы, в которых песок беззвучно поднимается вверх из нижней емкости, символизируют стремление Хартмэна вернуть прошлое.

— Извини, что прервал разговор. Ты, наверное, думаешь, что такая жизнь крайне хлопотна? Но я все-таки привык, могу почти все дела сделать за двадцать одну минуту. Только со сном проблемы, — рассмеялся он. — Три минуты смерть, двадцать одна минута жизнь. Как вы живете по двадцатичетырехчасовому циклу, так и я делю свою жизнь на отрезки по двадцать одной минуте. Однако время на Берегу субъективно бесконечно, потому что его там нет. Это похоже на течение времени во сне, только для меня это реальный цикл жизни. Берег без времени, темпоральный дождь, ускоряющий течение времени, Твари, которые пытаются вернуться сюда

из прошлого, — все это нарушает наше восприятие времени. Как думаешь, что позволило человеку эволюционировать? Я думаю, что именно восприятие времени. Можно сказать, что это способность представить мир после своей смерти. Известно, что еще неандертальцы хоронили умерших и возлагали на могилы цветы. Только человек обладает концепцией вечности или загробной жизни. Явления, появившиеся в результате Выхода смерти, теперь сбивают нас с толку. Я хочу найти семью на Берегу и жить вместе с ними в мире мертвых. Людей с такими странными желаниями тоже создал Выход смерти. Для меня двадцать одна минута — это время ожидания; меня не существует, пока я не отправлюсь на Берег искать их. Мое тело здесь, но душа на Берегу. Так что я уже мертв.

«Это, наверное, история, которую Хартмэн придумал для себя, чтобы объяснить свое существование и рассказывать другим. Людей поглощает безумие, если они постоянно одни и вынуждены рассказывать свою историю только себе. Они замыкаются, словно одинокие безумные монархи в королевстве без единого подданного. Поэтому нужен другой человек, который будет слушать эти истории. Наверное, связь означает именно это. (*«Хартмэн, Мама и Локни, Дедмэн — все они отчаянно хотят найти свое место в этом мире»*). Идея Бриджет по возрождению Америки — тоже одна из таких историй?» — при мысли об этом Сэму показалось, что браслет на правом запястье резко потяжелел. Ему захотелось избавиться от этой тяжести, и он, не подумав, выпалил:

— Я тоже потерял семью. — Сказав это, он осознал, что сам не понимает, что именно подразумевает под семьей. Люси? Бриджет? Амелию? Потерянную фото-

графию? Или же биологических родителей, которых никогда не видел?

— Я не думал, что ты будешь со мной настолько откровенен. — Хартмэн перевернул песочные часы. Неизвестно почему, но неестественно поднимавшийся песок стал падать вниз. Впрочем, в верхнем сосуде песка меньше не становилось, а в нижнем отсеке он продолжал накапливаться.

— Я такой же, как и ты, — добавил Сэм.

★ Пригород Горного узла. Город-спутник

— Все в порядке, успокойтесь. Доверьтесь мне.

Свет, падавший сверху, слепил даже через закрытые веки. На мужчине была анестезиологическая маска, и он рассеянно подумал, что совсем скоро потеряет сознание. Ему объяснили, что операция займет примерно полдня, но когда он проснется, все уже закончится. На самом деле пройдет более десяти часов, а для него всего миг. Такое же явление наблюдается, когда человек попадает на Берег. Рассказы людей об опыте пребывания на Берегу поразительно напоминают истории об околосмертных переживаниях. Схожи они и тем, что содержание рассказов одинаково у многих людей. Они смотрят сверху вниз на свое лежащее тело, пытаются перейти реку, но их что-то останавливает, и они возвращаются к жизни. Встречаются с давно умершими родственниками и друзьями. Идут по туннелю, в конце которого виднеется свет. Когда он ранее изучал записи об околосмертном опыте, то обнаружил такие схожие